

В СИЯНИИ

Варлашин Сергей

АС 2012

Сергей Варлашин

В сиянии

«Издательские решения»

Варлашин С. А.

В сиянии / С. А. Варлашин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905211-7

На отдалённом рабочем месте Всеслав застаёт сильный буран, нетипичный для июня Якутии. Следующей ночью над всей территорией Военно-научной базы наблюдается необычное сияние, в десятки раз ярче и сильнее северного сияния. Всеслав оказывается обесточен на три дня. По радиации никто не выходит на связь. Следуя обязанностям, ему приходится идти до ближайшего комплекса, узнать, в чём дело. Но на пути к комплексу проявляются новые аномальные явления.

ISBN 978-5-44-905211-7

© Варлашин С. А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Сияние	7
Глава 2. Буфет	13
Глава 3. Лицом к лицу	19
Глава 4. Святой	25
Глава 5. В темноте	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

В сиянии

Сергей Александрович Варлашин

Иллюстратор Сергей Александрович Варлашин

© Сергей Александрович Варлашин, 2019

© Сергей Александрович Варлашин, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4490-5211-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Итак, начну повествование с того, что с моей стороны, подписаны все кипы документов о секретности и о не разглашении тайн, которые я узнал или узнаю в ходе прохождения службы. Секреты эти, срока давно не имеют. Но так как я, более не появлюсь в цивилизованном мире под своей настоящей фамилией и именем, и тем более без кардинального изменения внешности, то могу всё поведать на чистоту. Совесть моя будет спокойна.

Мне имеет смысл, оставить после себя, события произошедшие со мной, в виде истории, а ещё лучше в виде романа, вместо анонимных записок. Чтобы, если повезёт, она обрела общее разглашение для любого случайного или осмысленного и понимающего читателя. Заодно, не суть важно, каким образом, рукопись попадёт в руки заинтересованных в её утаении лиц. Главное это прольёт свет на некоторые моменты и факты, а в остальном, может быть, спасет не один десяток свидетелей от излишних допросов с пристрастием. Не суть важно.

В конце концов, если дома у вас окажется человек, и попросит вернуть приобретённую книгу или файлы с её содержимым, не противодействуйте ему и отдайте то, что он попросит. Не противодействуйте и в случае, если к вам в парке, пока вы сидите на скамье и читаете, подойдёт аналогичный субъект, с целью, изъять у вас книгу. После чего он непременно, скорее всего вас попросит, обо всём немедленно забыть. Забудьте, так будет безопаснее для вас. Тогда я постараюсь распространить её до той степени популярности, когда соответствующие субъекты из органов контроля, разумно посчитают, не противодействовать в её распространении. Что будет с их стороны самым верным решением. Ведь тогда, достаточно будет назвать её простым вымыслом, чтобы в сознании масс, она закрепились как фантазия автора. Вымысел или складная, а может и не складная это уже на усмотрение читателя, выдумка.

Лишь бы она осталась неизменной, если я хорошо потружусь, и она пройдёт популяризацию. Потому, как известно, правду можно исказить, одним словом. Повернуть вспять и сделать не более чем фарсом. Ну а если это уже произошло и мой оригинал безвозвратно потерян, желаю вам просто, насладиться чтением. Будь, что будет. Истина есть свет, она всегда в сиянии и вне субъективной оценки, всегда остаётся истиной и никогда не останется в тени.

Глава 1. Сияние

Всю ночь, дул сильнейший ветер. Стены толстые, утеплены и звукоизолированы слишком сильно, чтобы своим свистом он мог меня беспокоить. Но я ни разу ещё не слышал, чтобы он был таким сильным. Обычно ветра не слышно вообще. Я всерьёз опасался, что мой маленький, но тёплый, уютный домик поднимет в воздух и унесет на добрую пару километров. От осознания ночного полета, не чувствуешь себя в безопасности. Спится тоже плохо. Единственное окно со стальной решёткой, я прикрываю на ночь шторой. Так создаётся впечатление, что это действительно мой дом, а не временный рабочий пост. Домик не сдуло. Свайная конструкция справилась. Встал с кровати я в пять утра, вместо положенных семи по будильнику. Оделся и даже прилёг обратно. Получилось задремать. Ненадолго, минут на двадцать. Что-то тяжело рухнуло на железный порог у входной двери.

Я окончательно встал, решив больше не ложиться. Раскрыл шторы, из-за них уже просачивался свет. Белый свет резанул по глазам. За окном стояла идеальная белизна. Привыкая к свету, я не сразу понял, что это снег. Июнь на дворе. Обычное явление в Якутии, в мае застать снег. Но чтобы в июне прошёлся снежный буран, такого я не точно не ожидал. Рабочий день начинался в восемь, это значит, всё подождёт. Намолот зёрен. Четыре чайные ложечки с горкой, засыпал в кофеварку. Поставил это дело на огонь. Элементарная гимнастика, пока кофе не закипит, позволит телу быстрее прийти в себя. Телу необходимо ощутить нужную бодрость, после бессонной ночи.

Свежеподжаренные хрустящие лепёшки со злаками (особенности местной национальной кухни), самое лучшее, что можно съесть под кофе. Вот утро уже не кажется таким странным. Ну, снег и снег за окном, не на юге отдыхаю, пора бы уже привыкнуть. Радио не работает. Ничего не работает. Приборы тоже молчат. Снегом и ветром оборвало линию электропередач. Хотя какую ещё линию? Я поперхнулся орехами. Все провода тянутся в трубах. Трубы закопаны в землю, утоплены над уровнем грунта не глубже пары ладоней. Для удобства. Но всё равно авария могла случиться по любому поводу. Даже зимой при минут пятидесяти, свет восстанавливали в течении, короткого светового дня. Подождём. Без света у меня нет работы.

После шестой лепёшки я допил чашечку кофе и налил ещё одну. Дождавшись семи утра, я выключил будильник и попробовал выйти на улицу. Грохот падающего снега, разбудивший меня утром, был знаком по своей природе. Это сугроб снега упал с крыши и завалил входную дверь. Единственная непродуманная особенность конструкции домика, предназначенного для жизни за полярным кругом, ну разве ещё то, что открываться она должна внутрь, а не на ружу. Здесь конечно не заполярье, но условия близкие к ним. Есть, конечно, чёрный выход, но он с первого дня был заставлен коробками до самого потолка. Прикинув свои силы, я решил противодействовать мускульной силой снегу, а не двойной стене полных и тяжелых коробок. Первая, внутренняя, деревянная дверь открылась легко и непринуждённо. Вторая стальная и тяжёлая, открывающаяся на ружу, сдвинулась только на десять сантиметров.

Я поставил кипятиться на огонь, все ёмкости, которые у меня были под рукой и через пятнадцать минут опрокинул кипяток на сугроб за дверью. Дверь приоткрылась, на тридцать сантиметров и мне удалось вылезти на ружу с лопатой. Хорошо, что зимние вещи, всегда оставались при мне. Быстро раскидав по сторонам с высокого приступка снег, прошёлся вокруг домика. Сугробы не глубокие, по колено. Это только с крыши много навалилось. В двадцати метрах за домиком, бесконечно длинный стальной забор, уходящий в обе стороны. За ним беспросветная тайга, куда никогда не ступала нога человека. Всё как обычно. Только свежая зелень, радующая глаз, после затяжной зимы, вновь спряталась под снег.

Набрал дров из крытой дровницы, занёс их в дом. За окном плюс один, после частого открытия дверей, в доме стало прохладно. Эффективное электрическое отопление, позволяет

не думать о обогреве жилища, даже в самый лютый мороз. Дровяная печь с водяным контуром здесь, скорее как аварийный вариант. Я её, конечно, иногда затапливал, больше для удовольствия, чем из необходимости. Но за девять месяцев проведённых здесь, для обогрева, буду использовать впервые. Огонь весело трещал высушенными берёзовыми дровами, а через полчаса дом наполнился привычным теплом. Стемнело. Электричество так и не восстановили. Я несколько раз включал рацию и вызывал на связь диспетчеров, но они не отвечали. Это естественно. Им просто некогда, отвечать единственному, самому отдалённому оператору, следящему за показаниями приборов. У них начальство над головой и процессы производственные встают. У них свои заботы, посерьёзнее моих.

Я оставил попытки выйти на связь и решил экономить аккумуляторы рации. Единственная оставшаяся забава чтение, быстро меня утомила, и я решил лечь спать. Подбавив дров в огонь, я лёг и закрыл веки. Тут же перед глазами вспыхнули красочные разводы. Я открыл глаза. Свет шёл из не зашторенного, против обыкновения, окна. Разноцветные всполохи озарили всё небо. Густо отражаясь на белоснежном снегу. Я быстро встал, одевшись, выбежал на улицу. За всю зиму здесь не видел, столь красочного северного сияния. Радужные всполохи, всех цветов и оттенков ярко переливались в небе. Не похоже на северное сияние, но других версий у меня нет. Если взять огромные граненые алмазы, размером с соседние горы и пропустить сквозь них толстые лучи света из мощнейших в мире лазеров, только тогда, можно будет добиться отдалённого эффекта, напоминающего то, что я сейчас вижу.

Зрелище настолько меня впечатлило, что я не сразу уснул. Светопредставление длилось всю ночь. В такие моменты не жалеешь, что не зафиксировал их на фото или видео съёмку. Потому что они и так запоминаются на всю оставшуюся жизнь. Прошлая бессонная ночь не прошла зря, я проснулся только по будильнику. На градуснике плюс пять. Это хорошо, лето отвоёвывает свои легальные позиции. Промеж деревьев застыла туманная дымка. За весь день электроэнергия не была восстановлена в питании, а утренний и вечерний вызов по рации, по-прежнему никто не откликнулся.

Утром третьего дня, я решил не сидеть на месте и прогуляться до соседнего комплекса. Моя инструкция не предусматривала отключения питания на три дня. Меня должны были вызвать по рации и предупредить обо всём ещё в первый же день. Максимум, нарушая все правила во второй. Меня не покидало ощущение, что обо мне просто забыли. Свет включили везде, кроме моего пункта. Такое могло случиться. Потому что последний раз я выходил на связь, три месяца назад, в начале марта, кто то случайно вышел на мою частоту и стал поздравлять неизвестную с днём рождения. Я выслушал поздравления до конца, сказал спасибо и отключился.

Оделся по-зимнему, не смотря на температуру плюс восемь градусов и изрядно подтаявшие сугробы. В восемь вышел из домика. Примерное направление соседней базы я помнил. Сверился со встроенными в часы компасом и пошёл. Наведаюсь, напомним о себе, свяжусь от них с центром и к вечеру вернусь восвояси. По ощущениям, температура выросла до плюс пятнадцати. Стало жарко. Лёгкая дымка стала полноценным туманом. Расстегнул куртку, снял шапку. Выбирая дорогу между деревьями, я старался идти по широким и свободным местам. Так проще не терять общее направление. До базы километров шесть. Примерно половину пути, я уже прошёл.

На ветках радостно щебетали и пели птицы. Такого количества их не было даже цветущей весной. Деревья то и дело сбрасывали с ветвей снежные шапки. Птицы быстро занимали свободные от снега места. Каких я только не увидел птиц. Не большой знаток пернатых, но их здесь великое множество и разнообразие. Засмотревшись на них, я не заметил, как провалился по грудь. Шёл по тверди, не знал проблем, а тут раз и канул сквозь землю. Просто яма с торфом и водой. Снег засыпал её, и она стала незаметной. Я хотел выбраться назад, но не меньше пары сотен птиц вдруг резко замолкли и полетали с деревьев. Облако их пронеслось над моей

головой, а в возникшей тишине, что то огромное провалилось в тот же омут, в котором был я. Я был с его краю, а что-то огромное, несло с немалой скоростью и сейчас влетело в самую середину омута. Меня обдало волной грязи, вперемешку с сырым чёрным снегом.

Не понимая до конца, что произошло, я остался недвижим. Нечто побарахталось, вылезло на другом конце омута и оставляя за собой, широчайший грязевой подтёк, живо скрылось в тумане. Я шумно выдохнул. Вылез из воды на берег, отплевался снегом, грязью и илом. От шока и холодной воды, голова перешла в совершенно другой режим. Я стал лихорадочно соображать. Бежать назад, долго. Бежать вперёд примерно столько же. Следовать за неизвестным хотелось меньше всего. Вернее вовсе не хотелось. Даже наоборот, инстинкт самосохранения, велел держаться от него подальше. Были бы спички, я бы успел разжечь костёр, раздеться и обогреться, ну а дальше что? Всё равно придётся возвращаться или идти дальше.

Я обогнул по широкой дуге проклятый омут и побежал в сторону спасительной базы. Сбивая дыхание, я наконец, согрелся и сырая, тяжёлая одежда не доставляла больше такого дискомфорта как раньше. Сверившись с компасом, я выбрал умеренный ритм. С ним, учитывая пересечённую местность и снег, я доберусь минут за тридцать. Пока я бежал, мою голову наводнили мысли о том, как я сюда попал.

Я давно подыскивал себе работу, гденибудь на малолюдных просторах необъятной родины. Один раз, мне позвонил знакомый из 3-го Центрального Научно-Исследовательского Института Министерства обороны Российской Федерации. Институт этот занимается исследованием в области разработки и создания вооружения, военной и специальной техники общего назначения. Он знал, что я ищу работу подобного плана и сделал мне предложение рассмотреть несколько вакансий на выбор. Моя гражданская специальность, предусматривает работу в сфере теплоэлектро энерго снабжения – проще говоря, нужно сидеть в самой отдалённой теплушке, следить за показаниями приборов и раз в месяц производить отчёт по внутренней почте. Помимо этой, входит ещё обязанность обходчика. Следить за сохранностью периметра на вверенном квадрате и сообщать по радиации о любых обнаружениях, поломках или следах вторжения. Шесть километров в одну сторону, девять в другую.

Обход следует производить один раз в неделю, в обе стороны. По концам, которых стоит по наблюдательной отапливаемой башне, с часовыми. С которыми я никогда лично не сталкивался, а из окон рукой мне не махали. Далее от них точно такой же забор, уходящий под углом в девяносто градусов дальше. Когда нас доставляли сюда на вертолётах, с высоты птичьего полета, я видел полный периметр комплекса. Почти полностью погруженный в лес, он представлял из себя, симметрично ровный прямоугольник. По ширине с моей южной стороны пятнадцать километров и при длине около двенадцати.

Якутия, идеальное место для хорошо засекреченной и спрятанной военно-научной базы (далее ВНБ). Вы уж поверьте, затеряться на просторах Якутии легко. Одна только территория занимает приблизительно три с половиной миллиона квадратных километров или одну пятую часть России. Страна в стране. Затеряться легче-лёгкого, особенно если знать где. Наиболее дикий удалённый и труднопроходимый район. Вокруг, в радиусе трёх ста четырех ста километров, тайга и горы, где никогда не ступала нога человека. На картах естественно его не найти. Одним словом богом забытое местечко. Знаю только, что примерно в трёхстах километрах от нас, течёт река Лена. Большого знать не положено.

Вообще республика Якутия славное местечко. Более девяноста процентов территории республики не затронуто промышленным и иным освоением и представляет собой ненарушенные природные экосистемы. Сорок процентов республики расположено за Северным полярным кругом. На сегодняшний день, на её долю приходится около пятнадцати процентов дикой природы всего мира. На мой взгляд, республика Саха это самая необычайная страна во всём мире. Мать непроходимых дебрей тайги, необъятных просторов тундры, суровых горных массивов и безбрежной ледяной арктической дали. Страна, наполненная самобытной культурой

в неизменённом виде и колоритными людьми. Только этих людей на территории нашей базы почти нет, я по крайней мере не видел, почти все приезжие специалисты из разных частей страны.

Деревья на моём пути постепенно кончались. Я выбежал в поле тумана, не понимая где я, пока не уперся в пустой блокпост. Шлагбаум опущен. Следовательно, я на правильном пути. От него я пошёл по дороге, на ней снега почти нет. Почти весь растаял, вытоптан и изъезжен. Дорога привела меня к длинному и широкому четырехэтажному зданию. Редкие окна начинаются только с третьего этажа. Комплекс 3.2. По служебным функциям я с ним никак не пересекаюсь, но для разрешения ситуации могу воспользоваться их связью. Ворота оказались закрыты. Звонок естественно, может не работать. Я всё равно позвонил несколько раз, а потом постучал кулаком. В ответ тишина.

Не могу я стоять и ждать. Холод уже прокрался внутрь меня. Я побежал до угла здания. Кажется, там я видел крытую, пожарную, лестницу на крышу. Лестница вертикальная, с земли не залезть, обита листами стали, дверь на замке. Пришлось залезть на молодую березку, а с неё вцепиться окоченевшими пальцами в прутья внешней решетки. Только по внешнему каркасу, в любой момент, рискуя сорваться, кое-как залез до четвёртого этажа и перемахнул на крышу. Длинные ряды коробов. Одни продолжение подъездов, другие вентиляционные, третьи шахты лифтов. Побежал к ним. Везде заперто. Спусти дюжину, лишь у одной вентиляционной шахты, окно оказалось с довольно хлипкой решеткой. Из последних сил я варварски её выломал, вместе с рамой. Ввалился внутрь на тесную площадку. Сварная лестница уходит вниз. Я полез по ней и преодолел два этажа вниз, прежде чем понял, что снизу дверь закрыта на замок.

Представляю, сколько придётся писать потом, объяснительных записок. Думал я, когда лез по шаткой конструкции из труб. Она служила подвесным каркасом для подводки всех необходимых проводов внутрь помещений. Вдруг труба подо мной скрипнула и стала сильно прогибаться вниз. Я не успел перехватиться за более толстые кабели, чтобы на них повиснуть. Вместо этого, я грохотом проломив лёгкий пластиковый потолок, оказался на чьём то столе. Сильно ушибив копчик о стоящий на нём монитор. Коротко ругнулся. Уж очень сильно ударился. После такого, объяснительными, точно не отделаешься. Теперь, как бы к особистам на допрос не попасть. Элементарная злонамеренная порча имущества на лицо. Офисный монитор на полу. Экран треснул. Но теплее мне от этого не стало.

Моё самочувствие ухудшалось, с каждой минутой, мне было просто необходимо согреться. Я побежал к двери, но она оказалась запертой. Я внушительно приложился к ней массой, намереваясь её вынести, но у меня не вышло. Железная. Таковую просто так, на слом не возьмёшь. Я стал открывать все ящики стола подряд, чтобы найти ключи. В пиджаке, висящем на спинке стула, их тоже не оказалось, но во внутреннем кармане, я нашёл зажигалку. Взяв с окна широкое керамическое блюдо, я быстро накидал в него скомканной неиспечатанной бумаги, из новой пачки и чиркнув зажигалкой, развёл импровизированный костёр. Накидав достаточно много бумаги, я быстро разделся догола, и сел у стены, чтобы тепло отражалось от неё в мою пользу. Спасительное тепло сначала согрело мне руки, а когда я обсох, всё тело.

Я просидел у огня не менее часа. Развешанная по стульям одежда вокруг лишь слегка обсушилась, но оставалась по-прежнему сырой. Лишь нижнее бельё удалось высушить достаточно быстро. Дыма практически не было, я тщательно выбирал что сжигать, а что оставлять целым. Когда закончились пачки новой бумаги, я сжёг все кипы газет и журналов. Мебель ломать не стал. Здорово будет сейчас одеться, вылезти наверх и бесследно испариться в лесу. Так чтобы никто и не узнал о моём тайном проникновении. Дойти до домика и ждать когда всё разрешится само. Но в это я верил с трудом. Может просто в моём крыле сегодня выходной или в связи с аварийностью людей разогнали по жилым секторам. Свет есть, значит, всё починили. Я надел чужой пиджак и застегнулся. Так гораздо уютнее, чем полуголым. Вполне

жителей ситуация, с каждым могло случиться. Ущерба почти никакого нет. Бумага, монитор и потолок не в счёт.

Я выглянул в окно. Четвертый этаж. Туман никуда не делся. Снег быстро тает и испаряется, ничего удивительного. Расхаживая в одних носках по кабинету, я внимательно осмотрелся. Кабинет явно занимает не рядовой подчинённый. Обстановка безупречная. Тем хуже для меня. Ещё не поздно вылезти обратно через потолок, но я так согрелся, а одежда была весьма сырая и грязная. Да и не думал я, что в середине дня, сюда заявятся. Взял первую попавшуюся папку со стола, с названием «Отчеты». Раскрыл, стал читать.

«Отчёт №23. Свирлов К. Б. АНЯ и проявления. Примечание: АНЯ – аномальное неопознанное явление. С тех пор как раскопки под комплексом 2.1 дошли до глубины – 400 метров. На территории ВНБ, не раз были замечены и документально зафиксированы со слов свидетелей случаи проявления АНЯ. Один из них я записал со слов очевидцев, когда был в месте поломки обычного силового трансформатора 2 июня. Электромонтёры, которые должны были выявить причину неисправности и провести ремонт, наотрез отказались даже близко приближаться к обозначенному месту работ. Все они были абсолютно трезвые. Их начальник Смиркин О. С. был инициатором отказа и после разъяснительной беседы в моём кабинете согласился провести ремонтные работы, только под охраной не менее четырёх солдат вооружённых автоматическим оружием.

Наша политика предусматривает, отсечение на корню подобных настроений, но я лично решил осмотреть место незначительной аварии, в виду странности происшествия. По следам примятой травы и нарушенного дёрна, могу предположить, что монтёров мог спугнуть крупный зверь. Возможно медведь. Не берусь утверждать, что это был именно медведь, потому что я проверял лично, периметр ВНБ остаётся в целостности и сохранности и проникновение животных на его территорию исключено. Я распорядился, чтобы им выделили для сопровождения и охраны двух автоматчиков. Поломка устранена. Причина поломки со слов монтёров: «Перегорел, от повышенного напряжения».

«Отчёт №24. Свирлов К. Б. АНЯ и проявления. 3 июня, я лично наблюдал радужное свечение в 17:47 по местному времени, из своего окна. В силу занятости и невозможности по служебным обязанностям, покинуть пост, направил туда рядового Шемильцева П. П. посмотреть, в чём дело. Шемильцев вернулся через сорок минут с подробным докладом. Несмотря на общий взволнованный вид и излишнюю потливость, выражался он довольно внятно. С его слов, радужное свечение, которое зафиксировала, даже камера наружного наблюдения уплывало вглубь леса. Свечение вскоре стало рассеиваться, теряя яркость. С заряженным автоматом, он почти настиг его, но в этот момент, цитирую: «Часть леса ожила и скрылась, с невообразимо быстрой скоростью». Потому, не видя возможности продолжить преследование, вернулся с устным докладом.

«Отчёт №25. Свирлов К. Б. АНЯ и проявления. 7 июня, почти половина всех жители комплекса 3.2, включая меня самого, на протяжении всей ночи наблюдала необъяснимо сильное северное сияние. Опытные люди, множество раз наблюдающие северное сияние, утверждают, что это явление почти не имеет сходств с известным научным феноменом. По моим личным догадкам и наблюдениям, ночное свечение напрямую вызвано производимыми нами раскопками, под комплексом 2.1. Выявляю желание, лично поделиться сегодня с руководством опасениями на этот счёт, в устной форме.

Последний отчёт в папке меня заинтересовал больше всего, потому что за день до этой даты, отключилась подача электроэнергии в мой домик. Значит и я был свидетелем, одного и того же увиденного ночного свечения. Я подкинул оставшиеся стопки журналов в огонь, встал и стал расхаживать по кабинету. Жаль что господин Свирлов, не поделился сокровенным на бумаге. Было бы весьма интересно узнать, какими предположениями и секретными данными

он мог располагать. Я вернул папку на стол, потому что дальше были откровенно скучные отчёты о производительности и статистика.

Вдруг в дверь просунули ключ, и стали открывать замок. Я даже обернулся, подыскивая слова объяснений. В одних носках, трусах и пиджаке, стою у разведённого на полу огня, рядом развешаны сырые шапка, перчатки, куртка и комбинезон. Можно ничего не говорить, картина с моей ролью, скажет сама за себя. Дверь окончательно отворилась и на меня, широко раскрыв удивлённые, аквамариновые глаза, уставилась девушка. Чувствуя неловкую ситуацию, я застегнул пуговицы пиджака. Она стала быстро закрывать её обратно, явно нервничая и вставляя ключ обратно в замочную скважину.

– Добрый день, – я придержал дверь, стараясь не оторвать деревянную ручку, чтобы вновь не оказаться запертым. – Девушка, я здесь оказался случайным образом, – продолжал я крепко держать дверь, в каких-то сантиметрах от полного закрытия. – Вам не стоит меня бояться.

Последнее наверно, я сказал зря. Слово «бояться» само по себе пугает. Я схватил папку с ближайшей полки и втиснул в зазор, чтобы разрешить окончательно, вопрос своего заточения. Девушка вскрикнула и побежала по коридору. Ключ остался в двери. Не бежать же мне теперь за ней, крича по пути, что я здесь случайно оказался, всего лишь сквозь потолок провалился и вообще человек я хороший, работаю здесь недалеко замерщиком и обходчиком. Увы, первое впечатление сильная штука.

Глава 2. Буфет

Я был благодарен неизвестной, за то, что она вызволила меня. От идеи ждать, когда просохнет одежда, чтобы вылезти через потолок я решительно отказался. Вещи зимние, они и сутки могут сохнуть, а запасы «ненужного» горючего я исчерпал. Ключ в карман пиджака. На ноги бы ещё чего одеть не помешает. Внимательно осмотрелся, раскрыл шкаф и увидел новенькие лакированные ботинки. На пару размеров больше, но лучше, чем мои, насквозь сырые и грязные. В ботинках, трусах и застёгнутом на все пуговицы пиджаке вышел в коридор. Закрыл за собой на два оборота дверь и осмотрелся. Длинный коридор. По концам повороты в обе стороны. Пошёл в сторону убежавшей девушки. Кругом полная тишина. Странно, но объяснимо.

В конце коридора один поворот с лестницей вёл наверх, другой вниз. Кажется, она побежала направо, вниз. Я прогнал в голове звук её удаляющихся шагов, вроде совпадало. Прислушиваясь, спустился по лестнице. Ботинки, как калоши болтались по ноге. Невольно приходилось делать усилие, чтобы они не шаркали. Как бы я не старался, каблуки всё равно ударяли по ступенькам и эхом разносились вниз и вверх. Кто вообще носит такую обувь? Эгоцентричные начальники, звука поступи которых, подчинённые должны бояться, как обезьяны приближения тигра? Это кстати и была ещё одна причина, по которой я устроился на отдельную от всех работу. Особняком. Да что там говорить, настоящим отшельником. Даже на новый год, я не хотел идти в свой комплекс, но пришлось идти под угрозой отключения у меня света на три дня, в качестве стимулирующего фактора, показать своё лицо дружному коллективу.

Нижний этаж был ещё скучнее, чем предыдущий. Пара дверей в кабинетах были открыты, но я не стал смотреть что там, опасаясь быть привлечённым за выведывание секретной информации. Мало ли куда я попал. На дверях никаких опознавательных табличек, что само по себе странно. Лишь номера. По-прежнему никого. Спустился на этаж ниже. Прохладно, но вполне терпимо. Скорее это ощущение голого тела несёт больший дискомфорт, чем реальная температура. В первую очередь меня привлекла табличка «буфет». Я сразу направился туда. Вопреки всем логическим правилам, я надеялся именно здесь, встретить когонибудь и прояснить ситуацию, со своим не злонамеренным взломом и проникновением, двумя этажами выше, в неизвестный кабинет.

Буфет был открыт. Где-где, а здесь ктонибудь, да должен быть. Однако и здесь не было ни души. Лишь многочисленные комнатные растения на подоконниках и у стены. Заведение, с весьма роскошным интерьером, явно было для господствующего в данном комплексе класса. По размерам, сюда бы могло поместиться одновременно не менее двух ста человек, а если потесниться, то в два раза больше. Буфет слишком скромное название, скорее уж полноценный ресторан, банкетный зал, с возможностью самообслуживания, своим баром и сценой. На доброй половине столов, лежала еда, словно все внезапно встали, посреди обеденной трапезы и вышли по делам. От некоторых блюд, веяло слабо уловимым душком. Я взял зелёное яблоко из корзинки на чистом, с белой скатертью столе и громко зачавкал. Взлом взломом, а есть хочется после стрессовой ситуации сильно.

Дойдя до витрин с самообслуживанием, я убедился, что температура в них минус десять градусов по Цельсию. В электронном меню, выбрал несколько блюд. У меня потребовали личной карточки с допуском. Я на автомате сунул руки в карманы, но встретил голые бёдра. Пошарил по пиджаку и о чудо, вместо платочка, в нагрудном кармане, та самая, персональная пластиковая карточка. Впрочем, никто не узнает. В конце концов, это не я виноват, что меня не пустили погреться и переодеться в главные ворота. Чувство вины меня посещает, только когда я ложусь спать, не почистив зубы. Заказал ещё пару блюд по такому поводу. Три тарелки наполнились едой, подались по миниатюрному конвейеру в духовку, разогрелись там до нуж-

ной температуры и вышли помещённые на двух красивых белых подносах. Я поднял их, отнёс на ближайший столик и вернулся за напитками. Что у нас здесь есть. Ананасовый сок, безалкогольная Pina Colada и чашечка чёрного чая с пирожным, вполне подойдут. Приложив карточку, забрал заказ на подносе и присел за стол.

Сел в углу, недалеко от витрины, чтобы сразу увидеть вошедшего посетителя. С аппетитом наслаждался едой. Не часто можно себе позволить такую роскошь, побыть в приличном ресторане совершенно одному. Допив чашечку остывшего чая, я почувствовал себя настоящим человеком. Жизнь явно налаживалась. Мне уже не хотелось ничего никому объяснять. Хотелось быстрее вернуться в свой опорный пункт – домик. Может и питание, уже восстановили. Прихваченная с собой рация, в ожидающем режиме, соблюдала тишину. Я встал, отнёс за собой подносы в окно для приёма грязной посуды. Приличия и порядок надо соблюдать независимо от того, есть здесь ктонибудь или нет.

Сытый и довольный, теперь я просто должен найти штаны. Хотя бы просто для того, чтобы всякие легковверные девушки не шарахались от меня с криками. Сняв ботинки, чтобы их не потерять, я перепрыгнул барную стойку и пошёл внутрь подсобных помещений. Из них, я попал в спальные апартаменты персонала. Все двери оказались закрыты. В конце всего я наткнулся на прачечную для поваров и официантов, там я из большой кучи свежевystиранных вещей, выбрал более-менее по размеру синие штаны, кричащую красную футболку «СССР» и сносные новенькие кроссовки выдаваемые персоналу. Случайно совпавшая по размеру одежда, дополнила мой образ, классическим и строгим чёрным пиджаком. Не совсем мой стиль, но гораздо ладнее, чем бродить полуголым по комплексу. К которому, я не отношусь, и где за меня не может поручиться ни один человек. Само моё пребывание здесь, уже делает меня нарушителем. Научно-военная база секретная и все комплексы на её территории, доступны строго по персональному пропуску.

Вернувшись назад, я краем глаза заметил, что на пожарной стене, скрытой от общих глаз изящной голубой тюлью, что явно противоречило любым пожарным инструкциям, не хватает топора. Я решил спуститься на этаж ниже, но меня привлёк первый необычный за всё время звук. Что-то железное волокни по полу, периодически поднимая и ударяя о пол, там, где не было по центру малинового ковра. Я осторожно пошёл посмотреть, ведомый одним лишь любопытством.

Пока я, как вор, крался по коридору, металлические звуки сменились на шуршащие. Сквозь них я отчётливо слышал хихиканье. Такое довольное, искреннее и очень весёлое. Словно смеялся ребёнок, который уже давно смеётся, но у него больше нет сил, но остановиться, он не может. Одним словом, зря я багор не взял со стены.

Коридор перекрывали двери широкие массивные деревянные двери. Одна была слегка приоткрыта. Чтобы не выдать себя, я посмотрел в замочную скважину. По ту сторону дверей, в коридоре стоял парень и что-то старательно выводил на стене, иногда окуная швабру в широкое пластиковое ведро. Одет начинающий маляр, был ещё хлеще, чем я, только у меня не было выбора, а у него явно был. Обычно так безвкусно одеваются неопытные танцоры, чтобы привлечь максимум внимания. Начинаящим маляр был потому, что размашистые движения шваброй по стене никоим образом, не походили на движения человека, желающего равномерно покрасить стену. Он старался, кажется, что-то рисовал. Но лучшее слово для этого было бы – калякал, в масштабах длинной и высокой стены.

Я отошёл назад, сделал вид, что давно иду по коридору. Прокашлялся, перед тем как войти в дверь. Увлечённый маляр меня не заметил. Я остановился, когда дистанция, сократилась до семи метров между нами. Достаточная, чтобы вежливо спросить и относительно безопасная, если он соберётся выкинуть, какойнибудь трюк.

– Друг. Подскажешь, куда все подевались? – ответом мне послужил длинный залиvistый смех, с запрокинутой головой, очень заразительный, между прочим, я тоже посмеялся. – Ну, так всё же.

– Куда все подевались. Куда все подевались. Куда все подевались, – начал он повторять одно и то же, уставившись в стену, не прекращая работы.

– Именно это я и спросил, – остановил я его повторения.

– Кристаллы! – заорал он как настоящий психопат, на момент я даже почувствовал себя, главным лечащим врачом. – У него есть кристаллы! У него они есть! Есть! – начал он убежденно твердить сам себе.

– Нет, друг. Кристаллов у меня нет, – маляр сразу, как-то потерял ко мне интерес и окунул швабру в ведро с подобием синей краски.

Пока он выводил свои художества, я невольно стал критиком его свободного от психологических предрассудков творчества. Стену украшали жирные надписи, а вокруг них плавали пояснительные маленькие зарисовки. Примеры надписей: «будь нормальной», «кристаллы наше всё», «мнение о себе самом, не должно ничего и никому», «лес смотрит на тебя». Последнюю, он написал при мне: «обернись, друг они за тобой». Я суеверно обернулся, но ничего не увидел.

– У тебя есть краска? – спросил он внезапно, не глядя на меня.

– Нет, к сожалению, – ответил я, теряя контроль над ситуацией, но от моего ответа он весь выпрямился, перестал рисовать и просиял, словно ему открылась истина вселенского масштаба.

– Тогда зачем ты мне нужен? Друг.

Где он всё это время прятал, огромный красный топор, я не понял до сих пор, пока бежал по коридору от него. Держа топор как викинг, в боевой изготовке для удара, он нёсся за мной. Не ища новых путей, я вернулся в безопасный кабинет с железной дверью и быстро заперся изнутри. Весьма вовремя, маляр, по-идиотски хихикая, стал обрушивать удар за ударом по двери. Дверь стонала под его ударами топора, казалось на весь комплекс. В какой-то момент я даже усомнился в её прочности. Но она даже не прогнулась. Это наполнило меня непередаваемым чувством безопасности и уверенности в завтрашнем дне. Спустя примерно пятьдесят увесистых ударов, он затих. Выдохся маляр. Топор тоже немало весит. Я прислушался. Удаляющиеся шаги. Слишком громкие и отчётливые, чтобы я поверил, что он уходит.

– Это всё на что ты способен? – иронически спросил я с бравадой и намеренно громко, прекрасно отдавая себе отчёт, что с топором ему сюда никогда не вломиться.

Ответом мне был залиvistый смех и ещё сто восемь ударов. Считал намеренно от скуки и из любопытства, на сколько, его хватит. Кажется, на последних ударах я слышал сухой треск дерева. Неужели сломалось топище? Тяжёлое дыхание не было имитацией, субъект, дыша с надрывом действительно удалялся. Я тихо приоткрыл дверь и выглянул. Не оборачиваясь, он скрылся за поворотом. То, что осталось от пожарного топора лежало теперь на полу. От деревянной обивки двери почти ничего не осталось. Зато блестящий металл под ней, почти без деформаций. Надёжная у меня крепость. Мягко ступая в кроссовках, я направился следом. Мне было кое-что нужно там внизу, и теперь я не планировал без этого уходить. Яростного маляра нигде не оказалось. Я вновь зашёл в буфет, который на деле вовсе не буфет, а ресторан и извлёк с пожарной стенки лом. Так же тихо вернулся назад в кабинет. Пододвинул полупустой, но от этого не менее лёгкий шкаф, к пролому на потолке. Со стола залез на шкаф, со шкафа на металлоконструкции из труб. По ним обратно к лестнице.

Очутившись на крыше, я прислушался. Никаких звуков со всей округе. Что за напасть, куда делись люди и почему не известили об этом меня? Впрочем, уже не так важно. Сбросил на землю лом. Придав ему траекторию, чтобы не воткнулся глубоко и чтобы не упал плашмя. Спустившись по внешнему каркасу лестницы, я ухватился за дерево и очутился на земле.

Вынул из снега лом, огляделся. Ни души. Направился к пропускному блокпосту. Закинул лом на крышу. Кое-как забрался сам. Решётка с навесным замком погнулась под нажатием лома, но замок сдался быстрее. Ещё раз оглядевшись, по сторонам, я спустился вниз. Ничего полезного, кроме лёгкой чёрной шапки, прихватизировал. Теперь к главному, тройка персональных металлических шкафчиков. Орудуя ломом, вскрыл все три. Содержимое порадовало меня за сегодня в равной степени, как огонь, когда я замёрз и горячий обед.

Помповое ружьё, с прикладом и магазином на восемь патронов. К нему патронташ с тридцатью патронами. Десять с пулей, двадцать с картечью 6.2 мм. Берцы и комбинезон охранника не по размеру. Слишком маленькие. Но мне хватит. У меня было разрешение на оружие, но по инструкции оно мне не полагалось. Лишь ракетница.

Достаточно сделать выстрел в небо. Через пять минут ко мне должен будет подъехать броневик с вооружёнными ребятами и со сдвоенным пулемётом на крыше. Подразумевалось, что мне ничего не грозит на территории НВБ, а если что случится, для этого есть специально обученные люди. Ну не стрелять же мне было в небо на третий день, в знак того что закончилась электроэнергия. Дрова есть, еды на несколько месяцев вперёд должно хватить, до самой осени. Значит и оружие ни к чему. Не-то что сейчас, когда неизвестные бегают за тобой, размахивая топором. Вообще конечно, меня здесь и не должно быть. Не моя вотчина. Но глубоко сомневаюсь, что это они здесь эксперимент проводят.

Надел патронташ, дробовик зарядил дробовыми патронами. Собираясь вылезать, как заметил двух мужчин, одетых в зимний камуфляж. Они шли прямо к блокпосту, по дороге. Я понимал, что уже не успеваю вылезти и решил спрятаться под стол. Предварительно опустив лом на пол. За окном, укреплённым толстой стальной решёткой, сильно стемнело. Две тени приблизились и приникли к окну. Они внимательно осмотрели всё внутри, но не найдя ничего ценного быстро удалились. Может зря я спрятался? Неизвестно. К главному входу в комплекс 3.2 они не пошли. Стали обходить его стороной. Может быть, такие же трудяги, как и я, пришли разобраться, в чём дело.

Когда я вылез, стемнело ещё сильнее. Лом я спрятал в снегу, под стенкой. Встал вопрос с ночлегом. Решив не искать себя не на ночь лишние проблемы, я справил нужду и привычным путём вернулся в знакомый безопасный кабинет. Устроился на ночлег, на стульях, выстроенных в один ряд. Укрываться влажным и грязным комбинезоном не рискнул. Проснулся я на рассвете. Сон был не глубокий и поверхностный, потому что я изрядно замёрз. Привычная утренняя гимнастика разогнала кровь и несколько ободрила меня. С заряженным дробовиком в руках я пошёл в буфет на завтрак. Какого было моё удивление, когда я услышал там голоса мужчин и оживлённую беседу.

Я осторожно выглянул в главный вход. Шесть человек. Сидят за двумя столами, близ витрин самообслуживания. Все в камуфляже, рюкзаки на полу. При автоматах. Сцена ещё та. Разговаривали, они не таясь.

– Григорий будь добр, передай соль с соседнего стола, на нашем закончилась, – сказал один невысокий тип с бородкой.

– Вот тебе и перец и соль и горчица. Не в чём себе не отказывай Костя, когда ещё так пышно устроимся пообедать, – ответил ему Григорий.

Шесть утра на часах, а они обедать собрались, интересные ребята.

– Наконец, нормальная еда, не большой я любитель, нашего сухпая, – отозвался рыжий.

– Выше высочество, к чему эти капризы? Нормальный сухпай. Самый лучший, – ответил ему смуглолицый Григорий.

– Он прав, – заметил русский субъект, с ровным ёжиком на макушке.

– Серёжа, я понимаю, ты любитель. Но лично у меня с них всегда несварение, – отозвался рыжий.

– Исключено, Никита. Сухпайки немецкие, содержат только выверенные рационы. Ни один из них не может вывести солдата из строя, потому что контору их изготовившую, сразу лишат лицензии и сдобрят штрафом. Плюс строгий контроль, со стороны военных, каждой партии. Пайки эти спецназначения, их кому попало, не выдают. Госзаказ. Соответственно и требования к ним максимально строгие.

От речи типа с бородкой, я проглотил слюну, представив, что в этих сухпайках, может быть такого съедобного. Было видно, что они никуда не торопятся и собираются провести завтрак крайне медленно и со вкусом. Вдруг второй вход отворился. На пороге появился тот самый маляр. В руках он держал по горящей бутылке коктейля Молотова. Улыбался во всю ширину рта и был явно доволен собой и своим появлением. Сразу трое выхватили пистолеты и взяли его на прицел. Ещё двое подняли на него автоматы.

– Джентльмены. У вас случайно нет кристаллов с собой?

– Опустите бутылочки. Потолкуем, – спокойно сказал ему тип с бородкой, а своим сказал другое. – Без команды не стрелять.

– Чтож с вами со всеми делать то!?! – воскликнул маляр, зашёл за стену и кинул в их сторону сначала одну, а потом другую бутылку. – Ни у кого нет кристаллов! – орал он, убегая по коридору, и я прекрасно видел его удаляющуюся спину.

Бутылки с зажигательной смесью попали на пол и стол. Всё в радиусе четырёх метров полыхнуло огнём, но там уже из бойцов никого не было.

– Поймать живым, – скомандовал тип с бородкой.

Все убежали, а он не спеша подошёл к стене, снял огнетушитель и залил очаги возгорания густой белой смесью. Только после этого он вышел в коридор и пошёл за остальными. Где-то далеко, в конце коридора, может даже на соседнем этаже, куда убежали, все участники утренней перепалки прогремел взрыв. Тип с бородкой побежал. Пользуясь сумятицей, я преодолел расстояние до электронной панели, заказал себе обильный завтрак и перепрыгнув её, скрылся в первой же комнате. Это оказалась посудная комната. Я заперся изнутри, связав ручку двери с массивной настенной сушилкой для полотенец. Приступил к завтраку.

Чашечка эспрессо, чашечка чая с лимоном, графин сока, бутерброды, яблоко, груша, банан, печенье, пирожное. Ничего лишнего. Здоровый завтрак здорового мужчины в расцвете сил. Да рано, но я остался без ужина, поэтому организм требовал компенсацию. Когда не знаешь, когда в следующий раз будет приём пищи, наедаешься немного впрок. Если у них были сухпайки в рюкзаках, то у меня не было даже обычной сумки через плечо. Через десять минут вернулись все шестеро, в камуфляже. Я услышал их через вентиляционное отверстие под потолком.

– Как вы его умудрились проворонить? – спросил тип с бородкой.

– Этот шут, там баллоны газовые, сложил. Хорошо, что мы не добежали, малец. Я себе брови спалил к херам, – ответил рыжий Никита и я представил себе его без бровей, наверно уморительное зрелище. – Надписи на стенах его работа, у него руки все синие были.

– А этот прайдоха тот ещё сукин кот, – заметил Григорий. – Костя, надо его изловить.

– Изловим, – ответил тип с бородкой. – Сеня, Паша организуйте, нам поесть. Завтрак будет по расписанию.

– Надо было ему по ногам сразу стрелять, – сказал блондин по имени Паша, когда они закончили длительный и полноценный завтрак.

– Надо было. Но прежде чем калечить, сначала надо изловить невредимым, – кивнул Костя. – У нас приказ.

– По данным, примерно десять процентов остались не эвакуированными, – заговорил Серёжа. – Это примерно четыреста человек. Не досчитаются пары десятков, никто о них и не вспомнит, в такой то глуши.

– Если быть точным четыреста тридцать один, – уточнил Костя. – Для проявившей себя в поисках группы, будут особые привилегии.

– Сколько это по деньгам. Если без особых привилегий и с ними?

– Сеня не жадничай. Тебе на всё хватит, – ответил, неодобрительно кивая Никита.

Когда они покидали буфет, я сытый и довольный, выгадывая их время на перемещение, неотступно следовал за ними.

Глава 3. Лицом к лицу

Я следовал за военными. Меня пару раз чуть не обнаружили, когда я имел обыкновение, по простоте душевной следовать на слишком близкой дистанции. Группа часто останавливалась, и я вылетал из-за очередного угла, натываясь на всех них сразу. К счастью ни одна просветлённая, воинственная душа в доспехах не обернулась. Теперь, каждый раз как выглянуть, я использовал маленький обломок блестящего пластика, который нашёл на полу. Дробовик хлопывал при движении меня по правому бедру. Удерживая его правой рукой, стволом вниз, я испытывал глубокое удовлетворение, присущее лишь вооружённому человеку. В один момент мне показалось, что позади себя я заметил какое-то движение. Словно это промелькнула тень.

Я больше всего опасался, что это тот опасный маляр, который чуть не подорвал газовым баллоном военных. Добрые дяди пришли всех эвакуировать, а трудяги отказываются. Впрочем, я сам почему-то не вышел к ним при первой же встречи и не выявил желания, быть эвакуированным. Где-то на подсознательном уровне, я не видел выхода из сложившейся ситуации, подобным образом. Хоть всецело смог бы довериться этим вооружённым господам. Но, не имея перед глазами ни одного эвакуированного с их стороны, не мог поверить в их славную миссию в полной мере. Вновь начались расписанные стены.

На этот раз красочное изобилие превосходило все ожидания. Разноцветные надписи всех оттенков, весело украшали стены своей бессмыслицей. Нет, конечно, автор видел в них глубокий смысл, но для меня они были пустышками. Привожу несколько из них для примера: «мир пал, мы следом», «обречённый человек – лучше обречённого», «дотла нечестивых», «я есть огурчик», «обречённые на смерть, все кто видит», «не бери кристаллы, если не хочешь быть как я». Последняя цитата зацепила меня больше всего. Маляр часто произносил слово кристалл. Может он работал долго и упорно, с этим материалом и на фоне общей беды, зарабатывал шизофрению? Подчерк то точно его.

Бюрократический аппарат был здесь такой большой, что кабинетам и канцеляриям, не было конца и края. Вероятно этот комплекс 3.2 аналог местной администрации. Коридоры петляли, почти везде был порядок. Лишь по малозначительным деталям было заметно, что покидали здание в спешке. Где-то обломанный каблук валяется. Где-то мятый лист. Но почти все двери в кабинеты закрыты. Видимо была дана соответствующая команда и все верили, что скоро сюда вернуться. Но я подозреваю, что обычно после подобных инцидентов, всё легко забрасывается, даже самые большие и сложные здания. Могу ошибаться. Но не потому ли у нас в стране такое великое количество заброшек?

На очередном повороте сильно пахло краской, потом растворителями и их аналогами. Наверно военные тоже учуяли. Есть догадка, где-то здесь должна быть база маляра. Запах сменился на отчётливый керосиновый дух. Так уж повелось в народном поверье, что это самый подозрительный из всех запахов. Я завращал головой как филин и приметил, что топчусь по сырому до нитки ковру. Мне всё стало понятно. Впереди донеслись крики.

– Огонь! В укрытие все! – слышались звуки выламываемых дверей.

Я побежал назад и заметил как одна дверь перед поворотом схлопнулась в последний момент. Я дёргал все двери подряд, но они не поддавались. Мне ничего не осталось, как запрыгнуть в ту самую приоткрытую дверь. Краем глаза я приметил, как весь ковёр в коридоре стал полыхать. Волна огня продолжала бежать по нему в мою сторону. Плотнo прикрыв за собой дверь, я шумно передёрнул дробовик и наставил на единственное укрытие. Большой шкаф безмолвствовал. Из-под двери, показалось яркое свечение. Военные кричали и бежали. Наверно по огню бегут. По самому его гребню. Не завидую.

Звуки шагов приближались. Я потерял преимущество, чтобы угрозой, заставить показаться из-за двери виновника огненного торжества. Открыл дверь сам. Спрятавшись среди пальто и плащей, стояла девушка. Это я понял по её ногам в рваных колготках и новых белых кроссовках, таких же, как у меня. Знакомится, было не когда. Я запрыгнул в шкаф, встал рядом. Она задрожала. В комнату ворвались военные. Даже через щель шкафа я почувствовал, как волна жара вошла вместе с ними. Дверь закрыли. Вместе с жаром успел зайти и дым. Все закашлялись. Кажется, девушка собиралась чихнуть. Я на ощупь нашёл её лицо и прикрыл рот рукой на одно мгновение. От этого она задрожала сильнее. В следующее, она сама прикрыла лицо двумя руками.

Дверь быстро подпёрли двумя массивными столами. Хорошо, что не тронули шкаф. Им бы точно стало любопытно, почему он такой тяжёлый. В щель, между давно покосившимися дверями, мне было их хорошо видно. Главное, чтобы к нам никто не заглянул.

– Ожоги у когонибудь есть? – спросил Паша.

– Я почти все волосы на голове опалил, – посетовал на несчастье Сеня.

– Это твои проблемы, шлем тебя снимать никто не заставляет.

– И то верно, – согласился Костя. – Больше без самостоятельности. Объект серьёзный. Некоторые, особо опасные гражданские, эвакуироваться добровольно не хотят. Прилагают все силы, чтобы их вышвырнули отсюда силком.

– Или вынесли ногами вперед, – включился рыжий.

– Двухсотыми пусть медгруппа занимается. Не наш профиль. Разрешаю особо опасного гражданского, по законам военного времени, обезвредить. В случае сопротивления, совместимого с риском для жизни, ликвидировать.

– Есть ликвидировать, – ободрился Сеня, потирая свою лысую голову, но после хмурого взгляда командира оправился. – То есть сначала, конечно обезвредить.

– Одеть противогазы, – спустя десять минут, распорядился тип с бородкой, он же Костя и все одели противогазы. – Выходим.

Они вышли по одному. Из коридора повалил дым. Спустя пару минут, как они вышли, я вылез из шкафа. Выдернул за собой пару шарфов и облил их водой из чайника и вазы из-под цветов.

– Выходи, нет времени объяснять, – девушка неуверенно пошевелилась в шкафу но ничего не сказала, тогда я мягче добавил. – Я не кусаюсь.

– Ты?! – воскликнула она и я запереживал, что военные сейчас нас опять услышат.

– Я, – я протянул ей шарф и помог завязать его туго сзади на шее. – Только давай потише.

Проделал тоже самое, со своим. Уже почти вся комната, заполнилась белёсым едким дымом. Это была та самая девушка, которая застала меня полуголым у огня, когда я сушил свои вещи. Сильно пригибаясь, мы последовали в изначальную сторону следования военных. Дым ел глаза.

Вскоре нам пришлось идти на четвереньках, а потом и вовсе лечь на ту часть пола, где не было ковра. Я часто оглядывался, чтобы контролировать незнакомку, она морщилась, кашляла, но продолжала ползти. Когда я уже порядком надышался угарным газом и почти терял сознание, то обнаружил, как она лежит на месте. Я пополз назад и принялся её расталкивать, не сильными пощечинами по лицу. На сильные нужны силы, которых у меня оставалось мало.

Проклятья, перемешанные с молитвами, возымели толк и наконец, сработала пожарная сигнализация. Из распыскивателей под потолком плотными потоками хлынула вода. Включилась вентиляция. Надышавшись свежим сырым воздухом, мне удалось привести в чувство незнакомку. До реанимационных мер рот в рот не дошло, а жаль, она мила.

Когда на полу образовались впечатляющие лужи, разбрызгиватели прекратили вращение и орошение. Надо ли говорить, что теперь мы были насквозь сырые. Девушка сделала несчастное лицо. Я помог ей подняться. У меня складывалось впечатление, что маляр, каким-то обра-

зом, перед поджогом, заблокировал пожарную сигнализацию. Похоже, военные её починили, вовремя. Вот и первая от них польза.

Последний жест спасения её от удушливого дыма мною, окончательно вселил у неё веру в меня. Поглядывая на мой дробовик, она держалась позади и чуть сбоку от меня. Явно желая, чтобы я закрыл её в случае необходимости. Как обычно, не было времени ничего объяснять и рассказывать, я просто поманил её за собой и она пошла. Где-то впереди раздался лёгкий хлопок, похожий на взрыв. Только через пятнадцать минут, мы обнаружили взорванную дверь. Рядом на стене красовалась ярко красная надпись: «Поджарились? Ещё хотите?». Маляр нажил себе уйму врагов. Теперь все они, шли за ним. Насчёт нас ладно, но обижать шестерых хорошо вооружённых военных – плохая примета. Донёсся новый взрыв. Мы побежали. Через пять минут, спустившись на этаж ниже, мы вновь обнаружили взорванную дверь. Маляр убежал, закрывая за собой двери.

Спустились ещё на уровень ниже. Технические помещения. До чего огромный комплекс, я знать не знал, что такие, вообще бывают в природе. Конец коридора венчала темнота. Фонарика у меня не было, потому мы пошли крайне медленно, чтобы глаза успевали привыкать. Когда темнота сгустилась до беспроглядной густоты, я достал зажигалку и зажёл её над головой, чтобы свет огонька, не расстраивал фокусировку. В десяти метрах от меня была стена.

– Жди здесь, – велел я девушке, а сам двинулся к стене.

Стена оказалась вовсе не стеной, а воротами. Засовы сняты, запоры выдвинуты. Я навалился на одну створку, и она без шума, стала откатываться. Ярко-белый, дневной свет, больно ударил по глазам. Я поморщился, потерев глаза и только потом, высунул головы наружу. Подъезд для грузовых машин. Вокруг ни души.

– Пойдём, – девушка встала и последовала за мной.

На улице я увидел, как сильно она дрожала. Перепачканные и сырые, юбка, пиджак и блузка. Потёкшая тушь. На улице примерно те же пятнадцать градусов. Небо, затянутое белыми облаками. Местами, разбавляя молодую зелень, ещё лежит талый снег.

– Пойдём по краю того подлеска. Доберёмся до генштаба. Место там людное и важное, думаю, встретим там, когонибудь из местных, спросим что случилось и можно ли доверять военным, – я обратил внимание, как ей холодно. – Замёрзнуть не успеем, там начинается сеть надземных тоннелей, они выведут нас к штабу.

Я сам был сырой и стоически терпел холод. Ветра не было совсем, это нас спасло. Девушка молчала, она либо доверяла мне, либо у неё не было другого выбора, как следовать за мной. Чтобы не переохладиться, мы перешли на лёгкий бег. Стало значительно теплее. Вдруг я заметил, как в траве, между остатками снега, впереди, шарит на коленках какой-то офисный работник.

Будто просыпал горсть бисера и теперь силится его собрать, не жалея брюк и себя. В его руках, изредка что-то поблескивало. Человек, закончил сбор и встал. Вдруг из подлеска впереди нас отделилась человеческая фигура в камуфляже и вскинула винтовку с длинным глушителем на конце. Я предугадал дальнейшее развитие событий и быстро прикрыл рот девушки. Без предупреждения, незнакомый военный, произвёл в него четыре придушенных выстрела. Девушка хотела вскрикнуть, но я так плотно зажал ей рот, что она чуть не задохнулась. Я отпустил её, сделал большие глаза и приложил палец к своему рту.

Дальше, камуфляжный, качественно обыскал тело. Вынул всё, у него из карманов и переложил в свои под сумки. Затем ушёл в противоположном направлении, откуда появился. Мы, не теряя времени, продолжили движение, ещё глубже идя по краю подлеска, чтобы исключить возможности нашего обнаружения. Впереди на краю дороги, на боку лежал опрокинутый фургон. Не опуская дробовик, я один подошёл к нему, посмотрел на содержимое крытого багажного отделения и вернулся. Через сто метров, нам попалась заброшенная башня квадратной формы.

Может быть, когда то давно, это был наблюдательный пункт. Мы зашли в неё, ржавая, но достаточно толстая дверь, оказалась открытой. С обратной её стороны имелся широкий сварной шпингалет, работающий по принципу затвора. Мы заперлись и стали подниматься вверх, по спиралеобразной лестнице у стены. К моему приятному удивлению, наверху башни, была оборудована вполне уютная комната. Окна были плотно заколочены досками. Имелись лишь горизонтальные прорезы для осмотра местности, но и те были прикрыты подобием штор. Простейшая кровать из досок, стол и печка с трубой, уходящей в железный потолок. Внутренний запах иссохшихся колотых дров и небольшой ржавый топор. Я быстро нарубил лучины, разжёг огонь и уже через двадцать минут, мы, наконец-то согрелись, сидя почти вплотную к огню.

– Сейчас я приду, будь здесь.

Я вернулся к тому лежащему на боку фургону. Посидел немного, напротив, в кустах. Но никого не смог обнаружить. Тишина стояла почти абсолютная. Не теряя времени, я быстро подбежал к фургону, схватил две большие коробки и прибежал с ними в подлесок. По-прежнему никого. Повторил операцию ещё несколько раз. Затем перетаскал добытое, в башню, а запершись, перетаскал вверх. Последними, я принес, две двадцати литровые бутылки воды. Вскрыв коробки топором, мы принялись обедать самой разнообразной консервированной едой. Комната прогрелась так сильно, что мы сняли пиджаки. Я сам не особо словоохотливый собеседник, потому был не требователен к окружающим, в плане поддержания бесконечного и бессмысленного разговора. Думаю она придерживалась того же мнения. Постепенно я стал обсыхать. Тепло и уют напомнили мне о моём уютном домике на краю базы. Но не время расслабляться. Сунув в карманы, несколько орехово-шоколадных батончиков, я дослал патрон в патронник и встал.

– Я пойду, узнаю, в чём дело. Постараюсь вернуться до темноты. Может, раздобуду нам тёплую одежду. Когда я приду, то кину три камня, по макушке башни. Чтобы ты могла мне открыть дверь.

Я ожидал, что она не захочет здесь оставаться и пойдёт за мной. Но когда я выходил, она впервые обмолвилась.

– Я за тобой закрою, – я не ожидал её ответа и сам не нашёлся, что ответить.

Она доверительно посмотрела мне в глаза и закрыла за мной дверь. Я специально не стал сильно наедаться, чтобы не чувствовать отупляющую сытость, но заедаю стресс, я всё равно немного объелся. Чтобы немного расшевелиться, я заложил ржавыми бочками вход, чтобы придать башне ещё более заброшенный вид. Но и без него серый бетон поросший мхом и метал покрытый старинной бурой ржавчиной, лучшая маскировка. Дверь открывается внутрь, так что она сможет покинуть башню в случае чего. Никому и в голову не придёт залезть сюда по собственному желанию. Мы другое дело, у нас не было выбора.

На мне по-прежнему была достаточно кричащая одежда, поэтому я продолжил идти вдоль подлеска. В голове у меня был примерный план-схема всей ВНБ. Я хорошо изучил его на стене, когда провёл много времени в чужом кабинете, за железной дверью. Впереди меня были две широкие прямоугольные площадки, густо поросшие травой, но без деревьев. Я вступил на первую. Асфальт. Очень давно, здесь было что-то вроде вертолётной площадки для посадки. Потому, рядом стоит эта башня, в которой я оставил незнакомку. Надо было спросить её имя.

Я точно отупел от еды и потерял бдительность. Потому что, только в двадцати метрах перед собой, успел заметить лежащего военного. Хорошо, что он был боком ко мне и не заметил меня. Я быстро упал на живот, не решаясь отползти, чтобы не привлечь очередь выстрелов, на движение. Я шёл так громко, что даже глухо-слепой, заметил бы меня. Ярко синие штаны на фоне зелени, и красная майка, видная через разрез застёгнутого чёрного пиджака, слишком хорошо выделялись.

Я осмелел и стал отползать бочком вглубь леса. Преодолев так с десяток метров, я осторожно высунул голову над травой, борясь с желанием опустить её поближе к земле, чтобы не поймать в лоб шальную пулю. Однако, увиденное, меня насторожило. Военный лежал в той же позе. Я минут пять вглядывался в его хорошо замаскированный, благодаря тёмно-зелёным оттенкам одежды силуэт. Он не был похож на снайпера в засидке. Кажется, он даже не дышал.

В конце концов, я встал в полный рост и осмотрелся по сторонам, чтобы оценить обстановку на предмет его собратьев по оружию. Никого. Направив на него своё грозное оружие, медленно направился к нему.

– Замри, ты под прицелом, – не очень разумно с моей стороны, он и так не шевелился. – Назовись, – силуэт молчал.

Я поднял сухую ветку и бросил в него, но он не шевелился. Тогда я передёрнул затвор, чтобы засвидетельствовать у меня наличие оружия. Но он играл в свою игру. Я подозревал, что он теперь намеренно не шевельнётся, чтобы взять меня врасплох, выхватить пистолет и открыть ответный огонь. Я вдруг заметил, что при себе у него не было ни винтовки, ни пистолета. Даже пустой кобуры. Вдруг на груди есть? Подойдя совсем вплотную, я пнул его, по подошве. Пнул ещё раз, да так сильно по ноге, что будь он жив, то обязательно бы среагировал на боль. Тогда я осмелился развернуть его. Спокойные широко раскрытые глаза мертвеца, смотрели, куда-то вверх. Как говориться он был ещё тёпленький, но не достаточно, чтобы ответить мне хоть на один вопрос. Смерть читалась в его глаза, но я всё равно убедился в отсутствии пульса на шейной артерии.

Брезгливости не было, когда я его раздевал. Было только чувство, что я замерзаю в своей ещё влажной одежде. Особенно, в кроссовках. Нет ничего паршивее сырой обуви в холодную погоду.

Если можно назвать это везением, то его одежда и обувь были мне, почти в пору. Только куртка чуть шире в плечах, но это меня совершенно не беспокоило. Взял даже шапочку, цвета тёмной оливы. Из оружия только боевой нож с опасным, острым серейтором. Повесил его на пояс.

Сначала хотел прикрыть его тело собственной одеждой, но передумал и позже прикопал её в соседнем овражке. Из уважения к покойному, прикрыл ему веки. Накрывать ничем не стал, чтобы его было легче найти, потом опознать по жетонам, дело не хитрое. Причину смерти на глаз, установить не удалось. Однако отсутствие оружия и рюкзака наводили на мысли, что это над ним постарался именно человек.

Карта была явно схематичная, потому что шёл я, довольно долго, прежде чем вышел к надземным тоннелям. Генштаб, как я понял из рассказов работников, был скорее символическим названием. Он представлял из себя, несколько десятков отдельно стоящих зданий, соединённых между собой в подобии паутины, цепочками из надземных тоннелей. Все это облегчало, внутреннее передвижение между ними, особенно в зимний период. Я зашёл только с одного края, но уже успел поразиться и насладиться, грандиозностью постройки. То, что вызывает равнодушие или даже стойкое отвращение у тех, кому подобные сложные сооружения намозолили глаза, пробуждает настоящий восторг у тех, кто их видит первый раз.

Бдительность терять нельзя и я сперва, хорошенько огляделся, прежде чем решил выйти из скрывающей меня зелени, на недавно, стриженный газон. Несколько шагов по траве и я остановился как вкопанный. Прямо из альпийской горки, из камня средней величины, росла друза кристаллов, размером кулак. Каждый кристалл, торчащий в свою сторону, был не меньше длинны и толщины моего пальца. Не похоже на декор. Я посмотрел на них с разных сторон. Они даже в отсутствии солнца, будучи абсолютно прозрачными, сияли и переливались радужными красками. Мне нестерпимо захотелось потрогать их, и даже взять с собой, показать их

вечером девушке запертой в башне. Какие они красивые. Я протянул руку, как вдруг меня словно кольнули в позвоночник.

Я не видел ни одной разумной причины не брать их руками, но неосознанно я опасался их трогать. Есть одно простое правило грибника, не знаешь что это такое, не трогай. Полностью концептуальная истина, которую можно применить ко всему. Именно такое чувство я сейчас и испытывал. Мне хотелось их потрогать, возможно, отломать и взять с собой. Но здесь не тихая осенняя охота в лесу. На засекреченной НВБ, точного места расположения которой почти никто не знает, не то что, не бери домой и не ешь, а вообще лучше не трогай, ничего, что вызывает подозрения. Тем более, если это заведомо носит характер, какойнибудь военной тайны.

Я провернул в голове всё, что с этим могло быть связано: надпись маляра на стене «кристаллы наше все» и его первый вопрос о наличии у меня кристаллов. Ещё он упоминал, что если не хочешь стать таким как он, не трогай кристаллы. Плюс та сцена, в которой был убит гражданский. Уж не кристаллы ли, его убийца, там собирал в траве? Они не растут на траве, но он мог их и рассыпать.

Пара автоматных очередей, не далее чем в трёхстах метрах, вывела меня из дум и грёз.

Глава 4. Святой

Определённо можно сказать, эвакуация не носит мирный характер. При мне уже застрелили одного человека без суда и следствия. На месте, как бешеную собаку. Следовательно, прогремевшие выстрелы, предупредительными быть не могут. Двумя одновременными очередями, чаще бывает огонь на поражение. Я прикинул, куда бы мне деться, чтобы не стать свидетелем третьей очереди. Единственный вход в тоннели закрыт. Здесь либо направленный взрыв поможет, либо экскаватор, если им пойти на таран. Ни того ни другого у меня нет. Обратно в подлесок долго. Решил залечь в палисаднике, под декоративными, но достаточно пушистыми ёлочками. Пока ситуация не прояснится.

Показалась группа военных из двенадцати человек. Они прочёсывали округу. То как они себя вели, никак нельзя было назвать эвакуационной миссией. Оружие наготове, передвигаются по три человека. Так захватывают, не законные, вооружённые бандформирования. Никаких формирований кроме себя одного, я не заметил. Потому логику их передвижения просчитать не смог. Первая тройка подбежала прямо к моему палисаднику и остановилась, беря на прицел округу.

Слава богу, ландшафтный дизайн с растениями, никого не интересовал и никто не смотрел в мою сторону. Остальные группы по три, выдвинулись следом и когда, одна из них обнаружила друзу, которую я чуть не взял, резко остановилась, и ощерилась автоматами. Заняв не известно от кого оборону, я мысленно прогонял их дальше. Моя тройка не хотела уходить. Видимо получила приказ затаиться в палисаднике. Остальные сделали тоже самое. Используя в качестве визуального укрытия, живую изгородь, беседку и ту злосчастную альпийскую горку.

Один небритый тип, залёг чуть ли не в двух метрах от меня. Я благодарил садовника, который прикопал когда то здесь эти три ёлочки, которые полностью закрывали меня своей тенью и пушистым лапником. Из подлеска донёсся гул. Лежащий рядом небритый, чавкал жвачкой так громко, что я подивился, почему на него не жалуются остальные. Наверно вставил гарнитуру только на приём, иначе бы его чавканье, заглушило любые команды. Гул повторился, он смахивал на гул лопастного винта, объёмного самолёта. Только был значительно тише. Я осознавал, что звук слишком противоестественный, чтобы он мог исходить из леса по естественным причинам. С другой стороны, самолёта там тоже не было.

Небритый перестал чавкать, видимо ему поступил приказ. Вместе с остальными он резко встал и побежал в сторону подлеска. Когда он сорвался, то наступил мне на ладонь. Больно отдал мизинец и безымянный палец каблуком. Я подавил крик души. Ладонь мою спасла замшевая зелёная перчатка и жесткие вставки. очередной раз благодарю тебя неизвестный павший воин, дарующий мне этот защитный костюм.

Сорвались и остальные тройки. На полпути к подлеску, вся дюжина силовиков, вместе со мной, сквозь толщу зелени, запечатлели яркие всполохи радужного сияния. Я открыл рот, а они выдали в его сторону приличный залп огня. Только они скрылись в лесном массиве, как я встал и побежал. Вдоль толстых столбов, служащих опорой для тоннелей.

Метров через двести, быстрого и лёгкого бега, я заметил пожарную железную лестницу. Подпрыгнув, я ухватился за неё и влез по ней наверх. Лестница, примыкала к крытому балкону, Я забрался внутрь и двинулся к двери. Чуть разбежавшись, я ударил по ней всей массой. Дверь пошатнулась, а замок показал первые признаки поломки. Я разбежался сильнее и ударил по двери ещё сильнее. Замок хрустел и я понял, что третьего удара ему не сносить. Разбежавшись от самого края балкона, перед ударом, за дверью, я услышал человеческий голос.

– Открываю, – щёлкнул засов замка, и я налетел на препятствие.

Было уже поздно. Я, конечно, погасил процентов двадцать набранной скорости, но отпертую дверь, всё равно протаранил. Хлипкая дверь слетела с петель и сильно ушибла стоящего

за ней человека. Я проехал по ней и встал, скорее освобождая от неё своего благодетеля. Крепкий парень лет двадцати семи на вид, присел и держался двумя ладонями за лоб. При этом голубые глаза его были такие ясные, а на лице играла такая жизнерадостная улыбка, что я не вольно, перестал испытывать за собой чувство вины. Одет он был в серые штаны и кардиган.

– Как твоя голова приятель? Сильно болит? В глаза двоится? Мутит?

– Я чувствую себя так хорошо, как никогда прежде, – заявил он.

– Это точно так? Эх, врачу бы тебе показаться, да где ж его взять. Ты кстати кто такой и что здесь делаешь?

– Да, всё так хорошо, что ты даже не представляешь. На меня словно снизошло озарение Всеслав. Врач мне не нужен, это лишнее. Благодарю за беспокойство друг. Меня зовут Бажен. Я оказался здесь заперт, потому что надо мной, подшутили коллеги, оставив, запертым в курилке, на этом балконе. Я не спустился по лестнице, по которой взобрался ты, потому что до этого боялся высоты. На двери позади меня они сменили код доступа, чтобы я не смог выйти. Потом началась эвакуация, а меня нарочно забыли выпустить.

Я не пропустил мимо ушей, что он знает, моё имя и должность. Способов увидеть меня в реестре работников с фото и данными множество, особенно если ты дружишь с программистами или кадровиками. Но всё равно поинтересовался на этот счёт.

– Откуда ты знаешь моё имя? Кем ты работал здесь?

– Я теперь многое знаю. Я инженер, но здесь работал отладчиком, мне приходилось следить за состоянием разного оборудования.

– Работал?

– Как и ты раньше здесь, замерщиком-обходчиком. После случившегося, официально здесь больше никто не будет работать.

– А что случилось Бажен? Я видел только ночное сияние и наблюдал у себя отключение электричества.

– Случилось непоправимое. Мы все, кто здесь работал, были причастны тем или иным образом, к раскопкам которые здесь велись. Даже если напрямую не работали под землей в шахтах. Под комплексом с аббревиатурой К2.1. Мы вторглись в древнюю святыню, похороненную и запечатанную пару столетий тому назад. Теперь учёные и власть имущие захотят вскрыть тайную святыню пещер. Но получится ли у них это сделать, ведь на ружу вылезли духи защитники.

– Очень красивая легенда, но давай о насущном. Как мы можем проникнуть внутрь тоннелей.

– Всеслав, если ты хочешь попасть, в так называемый генштаб, то я могу тебя проводить.

– Было бы здорово. Ты знаешь другой путь?

– Нет нам подойдёт этот, – он обернулся, подошёл к цифровой панели и ввел пятизначный код, дверь загудела и открылась.

– Ничего себе толщина. А другой курилки у вас не было? Попроще.

– Другие есть, но эта лучшая, здесь есть балкон и можно втайне от других, поговорить или посекретничать с красивым видом на лес.

Бажен был из таких людей. Которым доверяешь с первого знакомства и на всю оставшуюся жизнь. Простота, дружелюбие и открытость, делали из него отличного собеседника и коллегу. Непонятно, за что, могли над ним, так зло подшутить, члены единого коллектива. Мы вышли в тоннель. Ярослав закрыл за нами дверь и назвал мне код, на случай если я захочу вернуться. По красивому широкому тоннелю с тонированными длинными окнами (тонированные они были только снаружи, чтобы не было видно, что происходит внутри) мы вошли в первой здание, из цепочки генштаба.

Ярослав заметил что-то на стене. Это была друза. Она росла прямо из гранитной стены.

– Будь осторожен, мы не знаем что это такое! – предупредил я его.

– Дай пожалуйста мне свой нож, – я с опаской протянул ему нож.

Взяв его, он подошёл к ней. Аккуратно с помощью кончика клинка, расшатал и извлёк один кристалл из общей друзы, размером с большой палец. Вернул, рукояткой вперёд нож обратно. Игра света, производимая кристаллом, давала больше всего фиолетовое и синее сияние.

– У тебя есть бинт или платок?

– Есть только это, – я снял с шеи зелёный шемаг и протянул ему.

Он оторвал узкую полоску с одной его стороны и вернул мне. Затем приложил кристалл к раскрасневшейся от кровоподтёков, шишке на лбу и в два оборота примотал его к голове, завязав на затылке двойной узел.

– Кристаллы всегда холоднее окружающей среды, – пояснил он. – Так быстрее спадёт опухоль.

– Если ты не боишься и так уверен в этом, то почему бы и нет, – мы пошли дальше. – Где здесь стоят у вас кулеры с водой. Пить очень хочется.

– Сейчас, я приведу нас кухню, ты хочешь кофе?

– Да от чашечки кофе, я бы точно не отказался.

Спустя пару поворотов и подъём на один этаж выше, мы очутились в просторной кухне с видом на неработающий фонтан и крытые беседки, вдоль липовой аллеи. Он как следует, напился воды из кулера. Стаканов шесть, не меньше. Затем включил кофе машину и через минуту, в руках у меня была чашка горячего кофе. Её аромат вскружил мне голову, а когда я отпил, вернул на землю. Мысленно я поблагодарил вселенную за такого добродушного собеседника. Себе он после сделал чашку горячего шоколада. У него подрагивали руки. Я понял, что без еды, он находился там с момента общей эвакуации. Я достал припасённые батончики, и мы устроили, так не любимый мною раньше, настоящий кофе-брейк. Только допив кофе, я нарушил тишину первый. Больше он не решался ничего съесть, из голодания нужно выходить постепенно и он это знал.

– Почему тебя невзлюбили коллеги по работе, если заперли и не выпустили даже во время эвакуации. Ты мог запросто погибнуть от голода. Ведь идёт уже четвёртый день, как ты находился там.

– Ещё кофе?

– Да, пожалуйста.

– Коллеги они мне были только условно. Я не принадлежал к их дружной компании. Являлся лишь по вызову, когда нужно было, чтонибудь починить или настроить. Всё дело в другом. Я был влюблён в одну девушку. Но она, как бы тебе сказать, была не совсем хорошая.

– Вертихвостка?

– Очень точно подмечено. Условные коллеги, признали, это и написали мне на почту письмо, от её имени, что она будет ждать меня вечером там одна. Я набрал для неё цветов в местной клумбе, больше их было негде взять, и пришёл к ней. Однако когда я зашёл сначала в курилку, а потом на балкон, её там не оказалось. В этот момент дверь за мной закрыли и сменили код доступа.

– Ну, это же очень глупо. Ты наверно кого-то сильно разозлил своими ухаживаниями.

– Действительно смешно и глупо, – он искренне смеялся, вспоминая произошедшее. – Однако это у них был местный ритуал посвящения в «свои» коллеги. Каждый из них попадал в такую историю, но только никто не находился там больше одного и двух часов. Все либо сбегали через лестницу, либо дожидались когда отопрут. Их нельзя винить, ведь никто не знал, что я боялся высоты.

– Значит, страх ты преодолел, но всё равно не спустился, мучаясь там от голода?

– Увидев тебя, понял, что во мне больше не осталось никакого страха.

– Точнее ты это понял, когда я тебя дверью приложил?

– Если быть точнее, да. Именно твой удар, изменил во мне многое. Я уже никогда не стану, таким скромным, тихим и зашоренным человеком, которым был.

– Ты знаешь Бажен, я не чувствую вины за собой.

– Всё верно, это потому что ты сделал доброе дело. Открыл мне истину. Я сидел там трое суток и глубоко пересмотрел свою жизнь на корню, а удар по голове окончательно это подчеркнул.

– Как ты думаешь, можно ли доверять военным?

– Доверять можно, но не всем. Однако точно могу сказать, что ни один человек, который будет эвакуирован второй раз, не скоро попадёт домой. В отличии, от первой массовой волны. Большую часть, которой, если они не были управленцами, отправили домой.

– Почему?

– Те, кто остался здесь представляют уже чисто научный интерес. Проще говоря, эти десять процентов оставшихся, в том числе мы с тобой, автоматически стали частью научного и бесчеловечного эксперимента.

– Откуда ты всё это знаешь, у тебя есть доказательства и подтверждения своим словам?

– Разве тебе не достаточно выйти на улицу, и на собственном примере убедиться в правдивости моих слов?

Глаза его светились такой добротой и честностью, что я не стал допытываться объяснений. В конце концов если он прав, всё это рано или поздно проявится, а если это только его догадки или хуже того вымысел, это никак не отразится, на моём понимании ситуации через получаемый опыт. Хотя как раз мой не долгий опыт, уже начинал резонировать со сказанным им в одном направлении и частоте.

– Ладно, как насчёт того чтобы проводить меня дальше, к следующим зданиям генштаба. Я бы хотел сам на всё это посмотреть, прежде чем делать из этого, какие нибудь выводы.

– С удовольствием. Я очень хорошо, знаю здешние окрестности, – перед тем, как выйти с кухни, он порывлся в ящиках и холодильниках и выудил для меня пол-литровую бутылку воды и с десятков различных шоколадных батончиков. – Вот тебе пригодится.

– Благодарю, – я всё рассовал по карманам пустой разгрузки.

– Это я тебя благодарю, ты открыл мне глаза на многое.

Перед выходом, я тоже как следует, напился воды из кулера. Красота дизайна и его гармония, переплетающаяся с практичностью, с которой был создан весь генштаб, потрясал глубиной задумки. Словно это не военная база, центр благотворного воздействия на человека. Теперь понятно, куда уходила добрая часть многомиллиардного бюджета страны. Даже комплекс 4.3 к которому я относился, был не из скромных, а здесь так вообще решили оторваться по полной, не стесняясь в средствах. Обычно я не большой любитель разговаривать с людьми, но в этот раз было нечто иное. Не в силах больше соблюдать тишину, я заговорил первый.

– Бажен, а где у вас тут посты охраны или кабинеты безопасников?

– Скорее уж комнаты безобразников, – я вопросительно прищурился. – Мы мимо будем проходить, сам увидишь.

Через пару минут мы дошли до расположения охраны. Все стены были исклеены пошлыми плакатами, пепельницы наряду с пустыми бутылками стояли прямо на столах, посреди рабочей оргтехники и компьютеров. В остальном всё напоминало больше холостяцкую квартиру. Я обшарил ящики, на предмет полезных гаджетов, но нашёл только пару новых рюкзаков, с вместимостью не более сорока литров. Нашёл ещё наручники. Один рюкзак я взял себе, другой предложил Ярославу, но он отказался от него. Наручники тоже прихватил, могут пригодиться. Мы пошли дальше.

– Что ты будешь здесь делать теперь Ярослав?

– То, что делает дитя, впервые появившись на свет. Изучать этот удивительный мир. Когда заранее знаешь все понятия и определения и то чего можно от них ожидать, приятно и больно, хорошо и плохо, то перестаёшь осознавать жизнь.

– Без шуток, Бажен, я смотрю, у тебя духовность, прям зашкаливает. Предлагаешь ударить меня по голове, чтобы я тоже пробудился.

– И да, и нет Всеслав. Чтобы вновь начать осознавать себя и своё место в мире, нужно ударить не по голове, а по уму. Так чтобы умертвить его, если ты не в состоянии отбросить его сам, а потом скроить новый ум. Без лже-вмешательства обманчивого разума. Насчёт духовности, это не имеет значения. Я тебе всё это говорю, как человек – человеку.

– Теперь это твой новый путь в жизни? Открывать глаза другим.

– Глупо было бы всю жизнь прожить той жизнью, в которой я крутился двадцать восемь лет подряд.

– А мне кажется, моя жизнь не была так глупа, чтобы я был готов начать её заново, в любой удобный момент.

– Это потому что в душе своей ты стремишься к одиночеству. Твоё стремление отделиться от людей, порождено желанием отгородиться от реальности.

– Люди это называют социофобией. Я действительно не душа компании. Но я не считаю себя социофобом, как бы пессимистично я не смотрел на мир. В конце концов, это всего лишь слова.

– Ты стоишь совсем близко к краю обрыва, у черты невозвращения, после пробуждения. Иначе бы тебе не удалось пробудить меня. Поэтому я чувствую благодарность и ответственность, за то чтобы.

– Наставить меня на путь истинный. Да уж, не утруждайся. Дойду какнибудь сам. Без рукоприкладства с твоей стороны.

– И всё же я приложусь. Тебе следует лишь следовать одной позиции, не воспринимать всё, что с тобой происходит, так серьёзно и важно, будто от этого зависит судьба мироздания. Старайся наслаждаться жизнью уже сейчас, – он снял с попутной вешалки в коридоре длинное, чёрное пальто и одел. – Здесь довольно прохладно, – безобидно пояснил он.

Хоть я и приметил несколько других тёплых пальто, всё равно отказался, моя одежда и так была довольно тёплая. Я решил более не вдаваться в полемику. Не на прогулке. Опасности подстерегают за каждым углом. Один маляр чего стоит. Может он тоже крепко приложился лобной или теменной частью, раз откровения свои на стенах пишет. Вдруг, впереди по коридору пробежался крупный волк. Я вскинулся, поднимая дробовик, в направлении волка. Но Бажен положил ладонь на дуло. Я не опустил оружия.

– Хороший пёсик, показался нам, а теперь иди по своим делам, – сказал Бажен.

Довольно крупный волк, остановился, скучающе посмотрел на нас и побежал дальше по своим делам. Я не поверил, что хищник послушался моего провожающего. Может он накануне человека съел или двух, вот и спокоен как никогда.

Что он здесь делает!? – я нервно сжимал дробовик, вмиг вспотевшими ладонями и пальцами, рифлёная рукоять и затвор, надёжно впивались мне в руки. – Периметр, под напряжением, его ни одна живая душа пройти не сможет. Тем более, какой-то волк.

– Этот местный. Три недели назад, я видел, как один раз завозили целую партию свежеотловленных животных. Местные якуты, среди охотников и ловчих, на эти дела настоящие мастера. Меня просили проверить неисправный электронный замок на одной клетке. Дальнейшая судьба их очевидна.

– Электричества не стало и замки их, открылись?

– Нет, они не зависят от общих источников питания, там и механические есть дополнительно. Простые цепи с навесными замками. Их намеренно выпустили гуманисты, когда началась эвакуация.

Далее следовали довольно строгие клетки кабинетов. Всё чаще и чаще встречались друзья. От спичечного коробка, до огромного яблока. Они источали манящий свет, но я старался не задерживать на них внимание, чтобы не отвлекаться на их великолепные формы. Боковым зрением я всё равно видел их и просто наслаждался их красотой. Бажен не предупреждал меня не трогать их, но в пол оборота иногда поглядывал за мной, будто я ребёнок и хочу стянуть кусок торта со стола раньше времени. Вместо ответа, я крепко сжимал дробовик и сам иногда оглядывался, ища глазами затаившегося волка.

Проходя мимо окна одного из коридоров, я застал самое впечатляющее зрелище дня. Стекло было наполовину разбито, и там, где не хватало обломков, толстым слоем выросли мелкие, кристаллы. Меня подмывало ударить прикладом, из побуждения в проведении научного эксперимента. Засечь, за сколько оно зарастёт обратно. Зарастёт ли оно вообще. Но под строгим взглядом Бажена, я отказался от этой затеи. Время дороже, да и шуметь лишний раз не хотелось. С улицы, звук разбиваемого окна, слышен довольно далеко. Потом, падающие осколки. Вдруг внизу патруль стоит и так ждёт проявления, прячущихся противников эвакуации. Какнибудь потом поэкспериментирую, в более спокойной обстановке.

Глава 5. В темноте

Мы прошли здание насквозь и в последнем зале, наткнулись на странную картину. Из потолка, прямо из люстры свисал огромный, размером с ананас кристалл. А весь пол, сквозь ковры и паркет, густо порос травой и молодыми деревьями. Ели, берёзки, сосны, рябины и те которые я не определил при беглом осмотре, росли между диванами, столами и креслами. Словно уже пару лет. Чьи это шутки? Место проходное, людное, за три дня ни кто не способен был посадить, прорастить или банально повтыкать их здесь. Деревья, допустим, смог бы ктонибудь, тот же Бажен. Шутки ради, но траву нет. Я даже присел. Прорастает сквозь щели и пол. Удивительное явление.

– У вас тут эксперименты, с ядерными удобрениями не проводились часом?

– Не смотри так на меня, не моя работа. Это всё он, – он не глядя указал пальцем под потолок.

Кристалл был великолепен. Я засмотрелся, но помня наставления Бажен, вовремя сменил направление взгляда в пол.

– Ладно, пошли дальше.

Идти я старался мягко, как порхает бабочка. Не хотелось топтать это чудо природы. Перед тем как спуститься по лестнице в новый тоннель, Бажен, идущий впереди остановился.

– Далее, я не смогу тебя провожать, – Бажен огляделся и засунул руки в карманы. – Но мы ещё обязательно увидимся.

– И на том премного благодарен. Особенно за компанию. Я протянул ему руку для рукопожатия.

– Всеслав, могу я кое о чём тебя попросить?

– Да, пожалуйста. Попросить ты можешь меня о чём угодно. Не обязательно, что я соглашусь.

– Хорошо. Ты мог бы мне одолжить свой нож? – он посмотрел мне на пояс.

Нож был хорош. Клинок, заточка, удобная рукоятка. Я с подозрением посмотрел на него, но увидел лишь простодушие, открытость и то, что словами я не могу объяснить. Нет, это не был гипноз, внушение или ещё чтонибудь в этом роде.

– Для хорошего человека, ничего не жалко, – я снял нож с пояса и вручил ему. – Оставь его себе, от меня на память, – он взял протянутый мной, нож в ножнах, нашёл внутренний карман на пальто и спрятал его там.

– В замен, за твою щедрость, я помолюсь за тебя. Тогда и ты прими от меня скромный подарок, – он размотал повязку на голове, взял синеватый кристалл и выбросил ненужную тряпицу. – Вот возьми его с собой, он тебе пригодится, больше чем мне.

Я вдруг заметил, как у него на лбу, уже нет следа от удара. Ни шишки, ни синяка, ни царапины. Делая вид что так и должно быть, я с осторожностью принял кристалл у него из рук и спрятал в нагрудный карман.

– Это опасно?

– Другие брать да, этот уже нет.

– Как это ты определил?

– Просто знаю и всё. Но ты не пробуй отличать «правильные», от «не правильных». Для подобной идентификации, тебе понадобится отдельная лаборатория и масса оборудования, которые ты встретишь в генштабе, если пойдёшь дальше.

– Получается, любой поднятый кристалл будет опасен в той или иной степени?

– В процентном соотношении, в девяноста девяти случаях из ста, да. Будет опасен для здоровья поднявшего и окружающих. Зачем тебе рисковать.

– Под одним процентом подразумеваешься ты?

– Я и тот, у кого чистая душа. Ещё тот, кто умеет пользоваться соответствующими приборами. В идеале человек должен чувствовать сам, какой кристалл ему подходит больше. Который не будет его перегружать. С которым, они совпадут на одной частоте вибраций. Но всегда есть вероятность счастливой случайности и тонкой чувствительности человека. Даже слепая белка находит орех время от времени.

– Ладно, Бажен, счастливо оставаться, – я махнул рукой и направился по ступеням вниз.

– Береги Дарину, – сказал напоследок он, когда я уже скрылся из поля его зрения.

Какую ещё «дарину»? Если о кристалле печётся, так бы сразу и сказал. Вот зачем ему нож? Я, конечно, понимаю, штука полезная. Совсем уж безоружным, ходить, в таких условиях, просто не прилично. Ну да нож с ним.

Я дошёл до конца тоннеля. Вместо дверей, меня встретили настежь открытые полукруглые ворота. Света в помещении не было совсем. Лишь тусклый свет из редких окон. Я был на уровне четвёртого этажа и не нашёл возможности спуститься и выйти из здания. Не нашёл и выхода на крышу. Фонарика у меня не было, с зажигалкой далеко не уйдёшь. Я сел за стол связного центра и достал бумагу. Стал скручивать бумажные листы А4, по несколько штук сразу, в подобие длинных скрученных по спирали трубок. Набив пустой подсумок ими под завязку, я сделал глоток воды и встал. Когда закончились редкие окна, я зажёл первый фитиль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.